

АУЭЗХАН КОДАР (Казахстан)

Философ, поэт, прозаик, культуролог, публицист, переводчик казахской национальной классики, главный редактор журнала «Тамыр» («Корень»)

СТИХОТВОРЕНИЯ РАЗНЫХ ЛЕТ

Из цикла «Дневник Гомункула» (1985–1986)

Подруга, порадуй, пусть призрачна радость,
Во мгле добиблейской зрю девичью грудь.
Мой папа старался, всё сделал как надо,
Забыл только малость он — душу вдохнуть.
И если с тобой я так весел, что даже
От смеха мне челюсти нудно свело,
В зрачках твоих тёмных ищу я пропажу
Улыбке твоей полупьяной назло.
Пригрел нас с тобою гостиничный номер,
Мы гости друг другу — не в этом ли суть?
Сто с чем-то минут мы с тобою знакомы,
Ни много, ни мало — сто с чем-то минут.
Я — гость твоим пальцам, губам и ресницам,
Я — гость этим рюмкам, а в рюмках — вино.
Мы гости здесь, Мага, нам некогда вжиться
Ни в эти гардины, ни в эту луну.
Я — гость мирозданию и каждой секунде,
Стремящейся кануть скорее во тьму.
Ах, чем мы, Патриция, лучше сей тумбы,
Забывшей о родственной близости к пню?
Обрублены корни, заржавлены петли,

Нам страх заменяет билетом Госстрах.
 Мы — жертвы, Джульетта, злодеи и жертвы
 У грустной Вселенной нескромно в гостях.
 Подруга, пораду́й, пусть призрачна радость,
 Во мгле добиблейской зрю девичью грудь.
 Мой папа старался, всё сделал как надо,
 Забыл только малость он — душу вдохнуть.

Памяти Гарсиа Лорки

Расстреляли его на рассвете
 Как будто рассвет расстреляли.
 Расстреляли его на рассвете,
 И окрасились горечью дали.

Расстреляли его? Нет — убили!
 Расстреляли рассвет в колыбели.
 Расстреляли его? Нет — убили!
 Насладясь кровавой капелью...

Он вставал. Не умел он падать —
 Золотое дитя рассвета.
 Он вставал. Не умел он падать —
 Не умеют падать поэты.

Заалели земля и небо.
 Бездыханным лежал Федерико.
 Заалели земля и небо,
 На поэта похожие ликом.

Пусть тьякуют вновь карабины.
 В колыбелях качаются дети.
 Пусть тьякуют вновь карабины,
 Федерико жив в каждом рассвете.

Из цикла «Созвездие Лиры» (1986–1988)

* * *

С тех пор как ты в груди моей цветёшь,
 Я примирился с равнодушным миром.

И вызывает пониманья дрожь
Во мне теперь и град, и дождь, и сырость.

И обнажённость яблоней в саду,
И воробьи на ласточкиных гнёздах...
Во всём любви я тайный знак найду,
В росинке каждой я открою звёзды.

Иду к тебе, а значит, я иду
В огромный мир, в котором даже льду
Дана снегурки непростая участь.

Вино разлуки — как осенний сад.
Есть в нём познанья странный аромат.
Иду к тебе и радуясь, и мучась.

* * *

Пью вино твоих глаз...
Волны хмеля как в дюнах.
Нам не надо ни ваз,
Ни тем более рюмок.

И тем более слов,
И тем более «чуда».
Уважайте любовь
Без словесной посуды.

Что за глубь, чистота!
Словно чувства строка
В переливы одета...

Ну а вечером — р-раз!
Пью вино твоих глаз
Из напёрстка-сонета.
29. 02. 1987

* * *

Осенний день из желтизны и сини
Ведёт меня тропинкой дум к тебе.
И ни к чему мне корабли, машины,
Ты и без них сейчас со мной везде.

Ты в этих листьях напоённых солнцем.
Ты в этой яркой, звонкой синеве.
И потому разлука наша — нонсенс.
Не верю ей, и ты, прошу, не верь.

Осенний день из желтизны и сини.
Он в Казахстане, Англии, России
И там, где ты... А значит, я спокоен.

Он из меня в тебя теперь вольётся.
Одарит сразу синевой и солнцем.
Ты верь, что дарит он моей рукою.

* * *

Есть в тебе голубиное что-то.
Голубиное, но через львиность.
Ну а в львиности этой — невинность.
Я люблю твою голубиность.

Не могу на тебя наглядеться.
Ты моё сумасбродное сердце,
Ты моё возвращённое детство,
Не могу на тебя наглядеться.

О, как чуден любви телескоп!
Хорошо мне и чуточку грустно.
Я никак не войду в своё русло.
Всюду лишь голубиности ток.

Потому-то единственный в мире
Астроном я созвездия Лиры.

Из цикла «Сезон дождей» (1988–1990)

* * *

«Башмаки и трубка» — картина Ван Гога
Её нам не с чем сравнить.
Художнику в жизни надо немного —
Курить, рисовать и ходить.

Художнику в жизни нужна только малость, —
 Лишь выпустить в мир целый мир.
 В картинах Ван Гога жестока курчавость,
 Жующая краски до дыр.

Любовь там дана как искус или ненависть,
 Там где нищета как овин...
 Но ненависть эта — не тлена кисть,
 Сиротство напрасной любви.

И корчишься, словно на дыбе,
 Как будто и сам в этом тигле,
 Заплакать не в силах ты, ибо
 Не слёзы посыпятся — иглы...

* * *

Мир после ливня как лакированный,
 На травах дождевики, словно жемчужинки.
 А я почему-то всё равно, всё равно
 Себя ощущаю усмешливым узником.

Салютом весенним пусть яблони пенятся,
 Пусть розы влекут взор, зардевшись по-девичьи,
 Пусть дыбятся горы крыльями феникса,
 В душе, словно тени, сомненья шевелятся.

Не верю я в тишь, в безмятежность не верю я.
 Я чувствую горечь в солнечном пиршестве.
 И дерево кажется мне уж не деревом,
 А чем-то застывшим в кривляньи дервишества.

Что выше природы? Наверно, ирония?
 Что выше иронии? Слёзы лишь жгучие.
 Давайте не быть никогда посторонними,
 Давайте поверим, что есть доля лучшая.

Давайте поверим, что мы уж на подступах
 Того, что нам любо, того, что нам дорого.
 Стою на балконе, как будто на мостике,
 И синее небо кажется морем мне.

Из цикла «Дорога к степному знанию» (1998)

Пой, домбра!

Я кочевник с грустинкой во взгляде,
Меня что-то зовёт и зовёт.
Даже книги со мною не сладят,
Если сердце шепнёт мне: «Вперёд!»
Сожалею душевно о тех, кто
Не взлетал и уже не взлетит.
Мне нетрудно понять своих предков,
Не вмещавшихся в шири степи.
Понимаю протяжные песни
Их незримых высот этажи,
От чего же мне всюду так тесно,
Пой, домбра, расскажи, подкажи!
Пой, домбра, твои вечные ритмы
Угадали меня до меня,
Пой, домбра, ни любви, ни молитвы
Мир не думал ещё отменять.
Мир нуждается, так же как раньше,
И в батырах, и в Курмангазы.
Пой, домбра, ты — спасенье от фальши,
Ты — казахского сердца язык.
Я — кочевник без плётки и лука,
Без сородичей и без коня,
Пой, домбра, и в веселье и в муках
Не оставь безъязыким меня.

1987

Из цикла «Мисс Ноль» (1997–2016)

* * *

Моё детство —
Как огромный глаз,
Который всё видит
И ничего не понимает.

Для детского взгляда нет табу,
 Но и средств выражения нет.
 Одно только всматривание,
 Подглядывание,
 Осторопь перед каждым фактом жизни.
 И дрёма, бесконечная дрёма,
 Будто жизнь — это сон,
 И никакой возможности — проснуться.

26.02.15

* * *

Любовь — замкнутый круг
 Без дна и исхода.
 Это бездна, чья окружность везде,
 А центр — в магии притяжения.
 Это трансперсональная
 Идентичность
 Двух сердец,
 Перетекающих
 Друг в друга.
 И в то же время, это горизонталь,
 Где вес трансцендирует в невесомость.
 Единственная возможность для человека
 Стать ангелом.

26.02.15

* * *

Философия — пирамида из терминов,
 В которых люди висят,
 Как мёртвые мухи в паутине,
 С наивной верой в вечную жизнь
 После смерти.
 Пирамида грандиозна
 И сколь угодно величава,
 Но единственное истинное в ней —
 Это кислый, затхлый запах разложения,
 Наполняющий все её залы.

26.02.15

* * *

Мисс ноль многолика,
 Не только «она»,
 Но и «он» и «оно», в общем — все мы.
 Она в интуиции только дана,
 А в ней мы мучительно немы.

Мисс ноль — колесо без рук и без ног.
 И может быть даже — без тела.
 Мисс ноль — это плющ или гибкий вьюнок,
 Свисающий всюду без цели.

Мисс ноль — это точка, полный нулец,
 Нулища такая, что лопнет.
 А ты, современник, всего лишь близнец
 Нулёвой, как прорва, эпохи.

18.02.15.

* * *

То, чего нет, яростно монументально,
 То, чего нет, спешит состояться немедля.
 То, чего нет, вечно ходит в костюме венчальном,
 Спеша обручиться то с лебедем, а то и с медведем.

Сознавая прекрасно, что пусто внутри и снаружи,
 Везде о себе так напустит дыма и флёра,
 Что будто бы все и в приятельстве с ним и в союзе,
 Что смутишься и сам, что он так незаметен для взора.

В том, кого нет, есть желание быть самым славным,
 Пусть исчезнет весь мир, ведь он всех безусловно заменит.
 Что вы о героях и о свершениях давних?
 Ноль есть сведенье к нулю и актёров, и драмы, и сцены.

Ноль есть сведенье к нулю того, что было и будет,
 Ноль — оправданье нуля как полноты и избытка.
 Ноль — это финиш всего, рукотворное, тварное чудо,
 Торжество ложных сил и возведённая в святость ошибка.

11.02.15

Из цикла «Вгрызаются крылья» (2015)

* * *

Вгрызаются крылья
 В лопатки мои,
 Лежу осчастливлен,
 Слезу утаив,
 И что-то всё бродит,
 Гудит за спиной —
 Свобода, свобода,
 Ты снова со мной.

Порвав сухожилья,
 Ломая строй рук,
 Расправились крылья,
 Круша всё вокруг!
 О боже, как взмыл я!
 Как дрожь мне унять?
 Расправились крылья,
 Круша и меня...

* * *

Моя истина — сон, ну а явь есть беспмятство сна,
 Я в себя погружён, мною пишет теперь тишина.
 Я есть тело её, я — глаза вековечных глубин.
 Нам так сладко вдвоём, если я наконец-то один.
 Одиночество — дно, бесконечное в глуби времён.
 Оно всюду — одно, потому я надёжно пленён.
 Одиночество — плод, где я прячусь, чтоб видеть и сметь,
 Это выход и вход, ключ к которому знает лишь смерть.